

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

раскрытия рта: *i*, *y*, *ï* (*u* не дает отпечатка). Палятограмма *i* тождественна для русского и татарского; при татарском *y* боковые полосы касания идут дальше вперед сравнительно с русским, но это представляет лишь окончательный момент татарского гласного, имеющего дифтонгообразно-суживающийся характер, начальный же момент близко соответствует русскому *y*. Автор приводит еще палятограммы *j* (*ï*) в начале слов сравнительно с положением в середине и конце слов: в первом случае получаются более обширные полосы касания, свидетельствующие о более энергичной артикуляции. Татарские краткие *i* и *y* имеют более открытый характер и только *i* оставляет небольшие полосы у зубов мудрости; палятограмму этого гласного автор сопоставляет с русским закрытым *e*. Пользуясь миллиметровым масштабом для измерения расстояний кончика языка от верхнего края нижних резцов, автор по этому признаку расположил все татарские и русские гласные своего произношения в 16 последовательных рубрик. Ввиду того, что твердость и мягкость в татарском свойственна не одним гласным, но и согласным, автор считает необходимым в тюркской фонетике трактовать закон сингармонизма по отношению к обеим категориям.

Желательно, чтобы автор продолжил свое исследование, расширив на целые слова в их разнообразном звуковом составе, т. е. подобно аналогичному опыту Rousselot по отношению к французскому произношению, но только с соблюдением большей планомерности, чем у французского ученого.

В. Богородицкий.

Казань.

11 марта 1929 г.

54. C. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum Chaldicarum. In Verbindung mit F. Bagel und F. Schachermeyr herausgegeben. I Lieferung: Textband und Tafelband. Verlag von Walter de Gruyter, Berlin-Leipzig 1928. S. VIII + 54, отдельно XLII таблицы. Fol.

В 1928 г. вышел в свет давно обещанный I том Corpus Inscriptionum Chaldicarum. Издание приближалось к концу еще в 1914 г., когда автор этого капитального труда захватил с собою в Ливерпуль значительную часть собранного им материала. Начавшаяся мировая война принудила С. Ф. Lehmann-Haupt'a бросить этот материал в Англии. Позднее, в 1915 г., С. Ф. Lehmann-Haupt, приглашенный на кафедру Стамбульского университета, захватил с собою остальную часть своей работы, которая, равным образом, осталась на месте, когда он в 1918 г. вернулся в Берлин. Только в 1919 г. началось соби́рание рассеянного материала. Сосредоточив свои

работы в австрийском университете Инсбрука и заручившись содействием двух своих сотрудников Fel. Bagel и Fr. Schachermeyr, С. F. Lehmann-Haupt приступил к переработке полученных им из Ливерпуля и Стамбула материалов, вынужденно там оставленных и пересланных ему далеко не в полном виде: из одиннадцати ящиков стамбульской посылки один оказался безнадежно потерянным.¹

При таких исключительно неблагоприятных условиях, немецкому ученому все же удалось упорным трудом в течение восьми лет выпустить в свет первый из четырех намеченных к изданию томов.²

Блестящий знаток халдской эпиграфики, С. F. Lehmann-Haupt дает сводку своим многолетним и весьма плодотворным трудам по собиранию и изучению клинообразных надписей древнего Вана. В вводной части текста вышедшей работы приводится исчерпывающий и ясно изложенный очерк истории собирания и чтения клинописных памятников урартов-халдов (стр. 1—9). Далее следует глава, посвященная фонетике халдской речи с крайне осторожными выводами, основанными на чтении ассирийских знаков в их семитическом произношении с оговоркою о неизбежной условности их при использовании тех же знаков народом, говорившим не на семитическом и не на индоевропейском языке (стр. 13—15). Такая осторожность вполне естественна, в тем более должна быть оценена нами, если и кавказоведный подход к халдской речи дал пока лишь частичные коррективы в чтении этих же знаков.³

Необходимость кавказоведного подхода не отрицается автором изданного труда, во всяком случае, им не оспаривается указание Fr. Lenormant на возможность родства древне-ванского языка с грузинским (стр. 2). Но, все же, автор далек от учета всей той громадной работы, которая

¹ См. Corp. Inscrip. Chald., 9—13.

² Из общего числа 193 надписей помещены в I т. Textband первые 30. Эти же 30 надписей вошли и в I т. Tafelband с пропуском тех из них, издать которые фототипиями не представилось возможным за отсутствием подлинных с них фотографий или эстампажей (целый ряд халдских надписей, преимущественно давно открытых, дошел до нас лишь в зарисовках, повторять которые представлялось излишним). Тот же I т. Tafelband включил в себя еще 25 надписей сверх приведенных в I т. Textband и подлежащих опубликованию в следующих томах.

Текст каждой надписи издается с кратким, но исчерпывающим указанием места и обстоятельств находки, литературы и описанием внешнего вида надписи. Сам текст надписей приводится в транскрипции без перевода за редким исключением. Тут же указывается номер таблицы Tafelband, где памятник воспроизводится фототипиею с подлинника.

Остальные три тома должны включить в себя весь остающийся материал и закончиться регистром упоминаемых слов в халдских текстах и в халдо-ассирийских билингвах. Отдельно предполагается поместить особый регистр слов с точно установленным их переводом.

³ См. например, Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку, ЗВО, XXV, 10—17.

была проведена акад. Н. Я. Марром именно по анализу этой речи, включаемой им в общую группу кавказских яфетических языков. Более того, можно с уверенностью сказать, что он не знаком с многими работами в этом направлении Н. Я. Марра, хотя и был о них своевременно осведомлен. В противном случае, не было бы на стр. 4 признания правильным толкования D. H. Müller терминов *taḡani šatṭu* и *sistini* (шштини), как 'второй' и 'третий', вместо 'зимой' и 'весною', что с полной убедительностью разъяснено в работе Н. Я. Марра «Заметки по яфетическим клинописям» путем сопоставления с апалогичными терминами, дожившими до наших дней в языках Кавказа.¹

Может быть, с другой стороны, именно начатый в Ленинграде кавказоведный подход вынудил авторитетнейшего немецкого ученого проявить осторожность и к своим собственным переводам, что вылилось в ограничение задания *Corpus'a*, дающего, по словам автора, лишь «негативный» материал, т. е. только воспроизведения текста без его перевода за крайне редким исключением безукоризненно ясных по сохранности и смыслу содержания надписей (стр. 11). «Im übrigen sucht das Corpus den künftigen Übersetzer» (ib.). Отстраняясь от перевода, С. F. Lehmann-Haupt руководствовался не столько планом издания, предусматривающего опубликование самого материала, сколько тем, что «bei dem heutigen Stande der Forschung ist eine durchgehende Übersetzung der Texte in den meisten Fällen ausgeschlossen und gehört daher nicht zu den Aufgaben des Corpus» (ib.). Такие слова одного из крупнейших халдоведов-ассириологов, более тридцати лет углубившегося именно в анализ текста и его перевод, представляются весьма характерными.

Немецкий ученый, действительно, не ознакомлен с кавказоведным анализом халдской речи, и указание кавказоведов на обычную для яфетических языков пассивную конструкцию оставлено без внимания. Наиболее ясное подтверждение этому имеем в передаче собственных имен. При пассивной речи халдских текстов, логический субъект снабжается падежным окончанием *ше* (*se*).² Отождествляя логический субъект с грамматическим, С. F. Lehmann-Haupt признает конечный слог, читаемый им односложным *s*, за окончание именит. падежа и потому сохраняет его в передаче имен на современные языки. Ввиду этого он читает *Menuas*, вместо *Menua*, *Argistis*, вместо *Argisti* и т. д. Но, в то же время, имя Сардура пишется им *Sardur*, вместо ожидаемого *Sarduris* (стр. 1 и др., таблица царей у стр. 12).

¹ Н. Я. Марр, ИРАИМК, III, 300—304.

² См. мое Халдоведение. Баку, 1927, 213 сл.

В хронологической таблице царей (у стр. 12) С. Ф. Lehmann-Haupt несколько меняет обычную схему, пропуская Агаме, современника Салманассара III, но все же не отождествляя двух им разделяемых Сардуров.¹ Что касается Русы I, противника ассирийского Саргона, то, на этот раз, немецкий ученый склоняется в пользу раньше им оспаривавшегося мнения Fr. Thureau-Dangin, не считавшего возможным признать в Русе сына Сардура III. Судя по хронологической таблице, С. Ф. Lehmann-Haupt склонен видеть в Русе потомка жреца Сардура, брата Менуа, т. е. царя той же династии, но уже боковой линии. Вопрос продолжает оставаться неразрешенным, хотя отчество Русы (сын Сардура) не отрицается и автором настоящего труда.²

К тексту I тома приложен один том таблиц, прекрасно изданных четкою фототипической передачею фотографий и эстампажей, т. е. наиболее надежного материала. По условиям издания пришлось использовать таблицы, изготовленные еще до войны Прусскою Академиею Наук. Очевидно поэтому таблицы воспроизводят надписи без какого-либо хронологического порядка, благодаря чему полностью расходятся со строго выдержанным хронологическим порядком текста. В результате этого и по техническим условиям размещения надписей по их размерам, древнейшие надписи оказались вовсе не в начале таблиц (см. табл. XL и XLI), надписи того же Менуа идут с перерывом от XI—XXV и затем на XL, XLII таблицах, надписи Аргишти I нашли себе место и раньше и после надписей Сардура III (табл. XXIX и XLII) и т. д. При таких условиях, нахождение надписи в таблице крайне затруднено необходимостью обращаться каждый раз к особой сводной таблице на стр. V Textband.

В начале I тома текста (стр. I—III) дается полный список известных С. Ф. Lehmann-Haupt надписей в общем числе 193. Номерація идет в хронологическом порядке по царствованиям. К сожалению, существующая по надписям литература приводится не только не полно, но и непоследовательно, в частности, даже ссылки на прежнюю сводную работу того же автора³ даются далеко не во всех случаях, что в некоторых местах затрудняет определение надписи. К тому же, в список не попала надпись

¹ Ср. С. Ф. Lehmann-Haupt, ZA, 1920, XXXIII, 28 сл.; его же, Armenien einst und jetzt, II (I), 21 сл.

² Ср. С. Ф. Lehmann-Haupt, ZA, 1920, XXXIII, 42; его же, Armenien einst und jetzt, II (I), 330 сл.; его же, Klio XIV (I), 125 сл.; Fr. Thureau-Dangin, описание 8-го похода Саргона, Париж, 1912; И. Мещанинов, Хаддоведение, 199 сл.

³ Bericht über die Ergebnisse der armen. Forschungsreise Belck — Lehmann, S. В. К. Pr. Ak. d. Wiss., 1900, 619 сл.

Сардура III в Даш-Керпи у Чалдырского озера, изданная Н. Я. Марром еще в 1919 г.¹

Все отмеченное мною отнюдь не умаляет громадной заслуги С. Ф. Lehmann-Haupt'a пред халдоведением. Авторитетнейшим немецким ученым проделана колоссальная работа. Сложный вопрос о чтении халдских текстов нуждается в строго научном издании материала, и давнишняя мечта исследователей осуществляется лишь теперь. Безукоризненно точная передача памятников халдской эпиграфики, публикуемая С. Ф. Lehmann-Haupt'ом в недавно вышедшем его труде, начинает новую эпоху халдоведения, дающую впервые возможность охватить весь доступный материал. Только при таких условиях открывается путь к учету как параллельных текстов, так и разночтения и разновидностей по содержанию и по периодам длительного существования древневанского письма. И с этой стороны прав немецкий ученый в своих ожиданиях, что «будущий переводчик» — интерпретатор текстов вырастет на основах публикуемого корпуса. Будем надеяться, что остальные тома этого ценного издания, при уже налаженной работе, не замедлят стать общим достоянием лиц, интересующихся своеобразными памятниками когда-то мощной державы передней Азии.

И. Мещанинов.

55. M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (um 750 v. Chr.). Ein Beitrag zur Entzifferung des Haldischen. Heidelberg 1928 (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1927/28, 5 Abhandlung), S. IV + 84.

М. Церетели, как видно из предисловия к его работе, берет на себя не одно только исправление прекрасного, по его словам, издания акад. Н. Я. Марра, посвященного найденным в 1916 г. в западной нише вавской скалы летописям Сардура. Его задача гораздо шире отмеченного им желания сделать доступным для ассириолога «своеобразную» транскрипцию этих надписей и данный в русском издании «своеобразный» перевод их, «едва ли понятные ассириологу». М. Церетели хочет дать разбором этих важнейших эпиграфических памятников новый подход к уразумению самой структуры халдской речи и на этом своем новаторском пути, начав с расхождения с русским издателем, расходится также и со всеми халдоведами, как с Сэйсом, так и с Шейлем, Леманн-Гауптом и Бельком. Он предлагает свое толкование и выражает глубокую благодарность проф. Ранке

¹ Зап. Кавк. музея, серия В. I, 1919.